



ЭЛОИЗА
ДЖЕЙМС

Соретая
любовь

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д40

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Eloisa James
AS YOU WISH

Перевод с английского *И. В. Соколова*

Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств InkWell Management LLC и Synopsis.

Джеймс, Элоиза.

Д40 Обретая любовь : роман / Элоиза Джеймс ; [пер. с англ. И. В. Соколова]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-088291-5

Четырнадцать лет назад молодой аристократ Гриффин Берри, выпив лишнего после неудачной брачной ночи, оказался в руках вербовщиков — и очнулся на пиратском корабле...

Теперь Гриффин настоящий мужчина и один из самых прославленных каперских капитанов в Южных морях. Однако его по-прежнему терзают воспоминания о покинутой жене Поппи. Где она? Забыла его — или любит по-прежнему? Возможно, еще не поздно начать все сначала?..

Колин, приемный сын Гриффина, с колыбели грезил морем — и даже не замечал любви своей подруги детства, очаровательной Грейс Рейберн. И наконец его мечта стала явью — юноша поступает служить на флот, его ожидают блестящая карьера и океанские просторы.

Однако забудет ли Колин в бесконечных странствиях Грейс? Или со временем поймет, что на берегу его ждет единственное, настоящее счастье? Но... не поздно ли придет к нему прозрение?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Eloisa James, 2013

© Перевод. И.В. Соколов, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-088291-5

Соблазненная пиратом

Глава 1

30 мая 1816 года

Беркли-сквер, 45

Лондонская резиденция герцога Ашбрука

Будучи мальчишкой, Гриффин Берри, единственный наследник виконта Монкриффа, не имел ни малейшего интереса к истории цивилизованной Англии. Он грезил о Британии давних времен, когда все мужчины были воителями и по побережьям хозяйничали викинги, представляя себя у кормила древнего парусника со свирепыми татуировками, как у античного шотландского воина.

Уже в восемнадцать он стал пиратом, а в двадцать два командовал собственным кораблем, которому дал имя «Летучий Мак». И пару лет спустя один только вид черного флага с кроваво-красным цветком ввергал в трепет матерых морских волков.

Никто и не догадывался, что свой корабль Гриффин назвал в честь жены, которую звали Поппи*. Также в ее честь он сделал у себя на щеке татуировку в виде макового цветка, хотя провел с ней всего лишь день

* Имя Поппи является омонимом английского слова *porru* — «мак». — *Здесь и далее примеч. пер.*

и, говоря официальным языком, так и не консумировал брак.

И тем не менее он всегда испытывал определенное удовлетворение по поводу этого, пусть и незначительного, знака почтения к супруге. За годы, проведенные в море, Гриффин выработал собственный кодекс чести. Он никогда никому не стрелял в спину, никого не заставлял шагать по доске за борт и не позволял себе насильственных действий по отношению к женщинам. Более того, он быстро избавлялся от тех членов экипажа, которые полагали, будто грозная слава «Летучего Мака» дает им вольность потворствовать своим низменным наклонностям.

Следует, однако, отметить, что, согласно королевской амнистии, дарованной недавно ему и его кузену Джеймсу, герцогу Ашбруку, они определялись не как пираты, а как каперы.

Гриффин, конечно, понимал, что различие здесь незначительное. Хотя, по правде, последние семь лет они с Джеймсом ограничивались лишь нападением на пиратские и работоторговые корабли, не трогая суда законопослушных коммерсантов. Но, в сущности, он как был, так и оставался пиратом. И теперь, вернувшись в Англию, не собирался притворяться, будто все это время рыскал по свету в напудренном парике и выплясывал кадрили на балах в заморских странах.

С другой стороны, Гриффин ничуть не сомневался, что его жена, которую он едва помнил, совсем не обрадуется, узнав, что она замужем за пиратом. Или пускай даже за капером.

Как на это ни смотри, он мало походил на джентльмена со своей хромотой и татуировкой, имея за плечами полтора десятка лет, проведенных в море. И, конечно же, ничем не напоминал того юного добропоряд-

дочного баронета, за которого Поппи была сосватана своим папашей.

Ему совсем не нравилась идея ввалиться в незнакомый дом где-нибудь в окрестностях Бата (он не имел ни малейшего представления, где именно проживает его жена) и заявить, что он является пропавшим мужем леди Берри. При этой мысли с губ Гриффина невольно сорвалась пара ругательств. Он даже ощутил нечто похожее на страх, хотя подобные эмоции не посещали его даже в разгар жесточайших морских сражений.

В тех битвах они с Джеймсом сражались вместе, плечом к плечу. Им многое пришлось повидать. И возможно, именно поэтому Гриффин предложил ему совершенно неразумное, не подобающее джентльмену пари, которое наверняка ужаснуло бы его уважаемого отца.

— Давай поспорим, кто из нас быстрее затащит в постель свою жену.

Джеймса, судя по виду, не особенно шокировало такое предложение, но он все же не преминул заметить:

— Это не в духе истинных джентльменов.

— Да ладно, — усмехнулся Гриффин. — Нам с тобой уже поздно претендовать на этот статус. Ты можешь сколько угодно изображать из себя герцога, но что касается джентльменства... Нет, ты не джентльмен.

Судя по ухмылке, играющей на губах Джеймса, он склонялся к тому, чтобы принять брошенный вызов. Вот только неизвестно, кому из них придется столкнуться с наибольшими трудностями. Гриффин не мог вспомнить лица своей жены, но, по крайней мере, поддерживал ее финансово во время своего отсутствия. А супруга Джеймса уже собиралась официально

объявить его мертвым, поскольку тот не давал о себе знать в течение семи лет.

— Если я соглашусь на это пари, — проговорил Джеймс, — тебе придется отправиться в Бат, где у тебя с супругой состоится вряд ли легкий разговор.

Разговаривать с Поппи?.. Гриффин не испытывал большого интереса к каким-либо разговорам с ней.

Четырнадцать лет назад он покинул очаровательную юную девушку.. И в силу определенных обстоятельств, о которых ему не хотелось вспоминать даже сейчас, он оставил ее девственницей. Нетронутой, неудовлетворенной...

Нет, у него не было ни малейшего желания разговаривать со своей женой.

Но это все же придется сделать. И было бы гораздо легче, если бы ему не воткнули в ногу нож. А так, предстать перед Поппи калекой...

После того как Джеймс вышел, Гриффин еще раз прошелся по комнате, чтобы размять ногу, затем остановился у окна, выходящего на небольшой парк, прилегающий к городскому дому кузена. Главная аллея была полна зевак и газетчиков, пронюхавших о том, что вернувшийся герцог промышлял пиратством. Они наверняка будут ошиваться здесь еще не меньше недели, реагируя на каждое мимолетное появление Джеймса или его несчастной жены.

Когда Гриффин отвернулся от окна, в комнату как раз вошел его ординарец по прозвищу Акула.

— Пакуй наш скарб, Акула. Нам надо как-то ускользнуть от этой своры. Они, наверно, пасутся и у парадного входа?

— Да, — отозвался Акула, направившись к платяному шкафу. — Дворецкий говорит, что там их целая толпа. Нужно сваливать, пока они не выломали двери.

— Ну до этого дело не дойдет.

— Кто знает... — ухмыльнулся Акула, отчего татуировка под его правым глазом слегка перекосилась. — Похоже, весь Лондон только и говорит что о герцоге-пирате. По словам того же дворецкого, подобного ажиотажа не было с тех пор, как русский царь нанес визит нашему королю.

В ответ Гриффин лишь выругался.

— Все в доме переживают, потому что еще неизвестно, останется герцогиня с герцогом или нет. — Акула покачал головой. — Любая леди была бы ошарашена, узнав, что она замужем за пиратом. Ведь она, похоже, полагала, что он давно упокоился на глубине пяти сажений и уже никогда не объявится. Внизу говорят, что она рухнула в обморок, как только увидела его. Не удивлюсь, если с вашей женушкой случится то же самое. А может, она просто забаррикадирует дверь. В конце концов, вы пропадали подольше герцога.

— Захлопни пасть! — рыкнул Гриффин. — Позови лучше кого-нибудь помочь тебе с вещами, чтобы мы могли как можно скорее убраться отсюда.

Взяв трость, он двинулся к двери, но на секунду остановился, чтобы взбодрить себя ударом по бедру. По какой-то причине это способствовало расслаблению мышц, и шагать становилось легче. Хотя походка прежней все равно не станет.

— Вот это правильно, — одобрительно прогудел ничуть не смутившийся Акула. — Вам нужно во весь опор нестись к своей миссис и самому ей обо всем рассказать, пока она не узнала худшее из газет.

— И вели, чтоб подали карету, — распорядился Гриффин, игнорируя болтовню Акулы. Да, превратить матроса в лакея нелегко. Акула просто не имел представления о соответствующем поведении.

Вскоре Гриффин остановился на пороге библиотеки. За все эти годы они с Джеймсом неоднократно бывали на приеме у короля Сицилии, в его роскошном дворце, и тем не менее Гриффин был впечатлен великолепием данного помещения. Расписанное голубыми и белыми узорами, с тяжелыми шелковыми портьерами на окнах, оно напоминало залы Версаля.

Как ни жаль, Джеймс ни в малейшей степени не соответствовал декору помещения. Он сидел за столом без сюртука, без галстука, в одной рубашке с засученными рукавами. Как и сам Гриффин, он был бронзовым от загара, широкоплечим и мощным, с татуировкой на лице.

— Ну и видок у тебя, — заметил Гриффин, входя в комнату. — Я окончательно тебя испортил, это ясно. Никогда не встречал человека в меньшей степени похожего на аристократа. Вряд ли ты когда-либо обретешь приличествующую герцогу элегантность.

Джеймс лишь хмыкнул, не отрываясь от листа, на котором что-то писал.

— Я только что получил сообщение о том, что бумаги, подтверждающие нашу амнистию, будут доставлены завтра.

— Вышли мои следом, — попросил Гриффин, опираясь на трость. — Я должен нагрянуть к жене прежде, чем она прочтет в газетах о роде моих занятий. Для того, чтобы выиграть наш спор, ты ведь понимаешь. — По правде говоря, ему было немного стыдно за то пари, которое он заключил с Джеймсом. Не следует делать ставки на собственных жен.

Джеймс поднялся и вышел из-за стола. Гриффин годами не обращал внимания на внешний вид кузена, однако обтягивающие панталоны, в которых тот щего-

лял сейчас, сильно отличались от грубых бриджей, которые они носили на корабле. Каждый мускул на ногах Джеймса четко выделялся, а его нижним конечностям позавидовал бы и портовый грузчик.

— Помнишь тот момент, когда мы встретились в море? — спросил Гриффин. — Твой парик съехал набок, на тебе был расшитый камзол, надетый кое-как. Ты был тощим, как тростинка, с необсохшим молоком на губах. Многих капитанов охватывала паника, когда мои ребята сыпались к ним на борт, но ты держался молодцом.

Джеймс засмеялся.

— Я был чертовски рад, когда обнаружил, что настигнувшими нас пиратами командует мой близкий родственник.

— Черт возьми, как ты сможешь влиться в высшее общество?

— Думаешь, им не понравится моя татуировка? — опять засмеялся Джеймс, ничуть не переживая о будущем. — Если кто-то посмотрит на меня косо, я сразу же укажу на виконта Монкриффа. Возможно, мы с тобой станем зачинателями новой моды.

— Мой отец еще жив, — напомнил Гриффин. — Так что я пока не виконт. — Он подумал присесть, но вовремя вспомнил, что, стоит ему сейчас рухнуть в кресло, подняться потом будет нелегко.

— Его светлость не будет жить вечно. И однажды мы увидим себя старыми, седыми, татуированными, ломающими копыя в палате лордов по поводу какого-нибудь законопроекта.

Гриффин чертыхнулся и направился к двери. Если кузену хочется питать иллюзию, будто возвращение к цивилизованной жизни пройдет легко, пускай веселится. Те дни, когда они были соратниками, бесша-

башными собутыльниками и кровными братьями, миновали.

— Братишка, — окликнул Джеймс, двинувшись следом со своей бесподобной грацией. — Когда мы снова увидимся?

Гриффин пожал плечами.

— Возможно, на следующей неделе. Я не уверен, что моя жена впустит меня в дом. А твоя уже объявила, что оставляет тебя. Быть может, нам обоим придется искать новое жилье, не говоря уж о новых супругах.

Джеймс усмехнулся.

— Да ты никак боишься? Капитан «Летучего Мака», гроза семи морей, трепещет перед женой, которую едва знает?

— Забавно получается, — проговорил Гриффин, игнорируя насмешку. — Я был главным в море, а теперь ты герцог, а я всего лишь баронет.

— Вздор... Я был капитаном «Мака II», более совершенного корабля. Так что я всегда был главнее тебя.

Гриффин хлопнул брата по спине, и на некоторое время воцарилась тишина. Мужская дружба — странная штука. Они повсюду были вместе, бок о бок, пренебрегая опасностями, ибо в компании отвага возрастает, а теперь...

— Ее светлость, вероятно, скоро спустится к обеду, — предположил Гриффин, оглядывая кузена с головы до ног. — Тебе следует одеться, как подобает герцогу. Хотя бы в тот сюртук, который тебе пошили в Париже. Сделай ей сюрприз, а то ты выглядишь как дикарь.

— Терпеть не могу..

— Это не важно, — перебил Гриффин. — Светские дамы не выносят неряшливый вид. Акула разговаривал с домашней прислугой. Тебе известно, что твоя же-

на славится как в Лондоне, так и в Париже своей элгантноcтью?

— Меня это не удивляет. Она всегда имела манию к подобного рода вещам.

— Поэтому ее светлости вряд ли понравится, если за обеденным столом ты будешь выглядеть, как какой-нибудь садовник. Хотя не понимаю, зачем я тебе пытаюсь помочь? Ведь так я могу проиграть... Хотя, что именно? Мы заключили пари, но при этом не определили ставку.

Джеймс посерьезнел.

— Мы не должны были так поступать.

Их взгляды встретились, выражая обоюдное осознание того, что время прежней бесшабашности и циничности прошло. Они были обязаны придерживаться определенного отношения к своим женам и в какой-то мере уважать их достоинство.

— Уже поздно идти на попятную, — сказал Гриффин, немного повеселев от осознания того, что Джеймс тоже испытывает угрызения совести. — Откровенно говоря, я сомневаюсь, что кто-то из нас победит. Английские леди не склонны иметь дело с пиратами. Мы никогда не затащим их в кровать.

— Я не должен был на это соглашаться.

— Черт... Ты выглядишь как настоящий герцог с такими вот чопорно поджатыми губками. В общем, договор есть договор, ты не можешь отказаться. Пусть это будет нашей последней вульгарной пиратской выходкой.

Джеймс скрипнул зубами.

В этот момент в дверях появилась голова Акулы.

— Милорд, вещи упакованы.

— Ну что ж, до скорого, — проговорил Гриффин. — Желаю удачи.

Некоторое время они с Джеймсом смотрели друг на друга — двое мужчин, вернувшихся на родину, где они были чужими и вряд ли когда-нибудь станут своими.

— Как насчет того, чтобы встретиться на Рождество? — спросил Джеймс, приподняв бровь. — Только не в городе.

Гриффин задумался. Провести рождественские праздники в герцогском поместье — значит признать Джеймса практически родным братом. Так очень быстро дойдет до того, что они станут рассказывать байки о былых временах, когда с риском для жизни выручали друг друга, вместо того чтобы оставить все в прошлом, забыть, как нелепый сон.

Джеймс шевельнул плечом.

— Хотелось бы надеяться, что в будущем меня ждет что-то приятное.

Джеймс не желал становиться герцогом, как и сам Гриффин не хотел быть баронетом и тем более виконтом. Так что здесь они на равных.

— Это подобно тому, как Ясон... или, еще лучше, Минотавр вернулся домой. У меня покалечена нога, ты скрипишь, как несмазанное колесо, и никто не знает, как к нам относиться.

Джеймс хмыкнул.

— Скорее мы подобны Одиссею. У Гомера вроде бы написано, что никто не признал Одиссея, кроме домашнего пса. А вообще мне наплевать на отношение окружающих. Ну так как насчет Рождества?

Гриффин понимал, что, согласившись, поставит себя в позицию герцогского друга — ему придется ездить к нему в гости и стать вхожим в высший аристократический круг, к чему всегда стремился его отец.

Он полагал, что, подавшись в пираты, разрушит амбициозные планы родителя. Но, как видно, у судьбы имелись иные соображения.

— Жаль, что ты стал герцогом, — проговорил Гриффин, прерывая затянувшуюся паузу.

— Я тоже об этом сожалею. — Судя по глазам, Джеймс был абсолютно искренен.

— Ну что ж, давай встретимся на Рождество, — сказал Гриффин, уступая неизбежному. — Вероятно, ты все еще будешь пытаться затащить в кровать свою жену, так что я смогу дать тебе пару советов.

И после крепкого дружеского объятия он вышел, не сказав больше ни слова, ибо в этом не было никакой необходимости.

Теперь ему предстояло встретиться с собственной семьей — с отцом, с женой.

Самое главное — с женой.

Глава 2

2 июня 1816 года

*Окрестности города Бат,
поместье Арбор-Хаус*

— Ты замужем за пиратом?!

Фиби Элеонора Берри, жена сэра Гриффина Берри, едва сдержала улыбку при виде изумления на лице ее подруги Амелии Хауэлл-Барт. Но как бы это ни было забавно, у нее все же слегка кольнуло в груди.

— Насколько мне известно, его светлость занимался пиратством в течение нескольких лет.

— То есть он был самым настоящим пиратом? — Чашка Амелии зависла на полпути ко рту. — Как романтично!

Сама Фиби так не считала.

— Пираты заставляют людей шагать за борт по доске, — заметила она. И так резко опустила свою чашку, что та клацнула о блюде.

Глаза подружки округлились, и чай из ее чашки, которую она поставила на стол, выплеснулся на скатерть.

— По доске?.. Думаешь, твой муж в самом деле...

— По имеющимся сведениям, пираты регулярно спрашивают людей в пучину, не говоря уж об обычном грабеже.

Амелия судорожно сглотнула. И по-видимому, быстро поменяла свое мнение насчет романтических аспектов наличия пиратов среди ближайших соседей. Она была очаровательной миниатюрной дамой с губками, напоминающими бутон розы, и волнистыми каштановыми волосами. И ее муж, мистер Хауэлл-Барт, известный на весь город золотых дел мастер, вряд ли позволил бы ей посещать Арбор-Хаус, если бы узнал, каким образом сэр Гриффин развлекался за пределами родины.

— Имей в виду, — добавила Фиби, — я не общалась с ним много лет, но таково мое предположение. Его деловой партнер явно лгал мне.

— А что он говорил?

— Во время нашей последней встречи он сообщил, что сэр Гриффин занимается экспортом леса из обеих Америк.

Личико Амелии просветлело.

— Возможно, так оно и есть! Мой благоверный как раз сегодня утром рассказывал, что те, кто перевозит дерево из Канады, неплохо зарабатывают. Почему же ты решила, что твой муж — пират, если он сам тебе в этом не признавался?

— Несколько лет назад он написал об этом своему отцу, который счел нужным меня проинформировать. И, судя по всему, сэр Гриффин является настоящей грозой морей.

— О господи, Фиби... А я думала, твой муж просто предпочел жить за границей.

— Так оно и есть. Ты представляешь, какой бы грянул скандал, если бы я публично заявила, что замужем за пиратом? Думаю, для виконта было бы лучше, если бы его сын сгинул в море.

— Все могло быть гораздо хуже, — проговорила Амелия.

— Что же может быть хуже?

— Тебя могло бы угораздить выйти замуж за разбойника с большой дороги.

— Не вижу особой разницы, — пожалала плечами Фиби. — Так или иначе, я замужем за преступником, которого надлежит повесить. Ты понимаешь?.. Или же заточить в тюрьму.

— Его отец этого не допустит. Ты же знаешь, какое у виконта влияние. Поговаривают, лорду Монкриффу может быть даже пожалован графский титул.

— После известия о том, что его сын — пират, этого уже не случится.

— Однако сэр Гриффин и сам является баронетом со всеми вытекающими правами. Никто не повесит обладателя дворянского титула.

— Еще как повесят.

— Нет, его скорее всего обезглавят.

Фиби аж передернуло.

— Какой ужас...

— Но почему твой муж стал баронетом, если его отец является виконтом, здравствующим и поныне? — наморщив лоб, поинтересовалась Амелия. Будучи же-